свою воевали. Агесилауш, царь лакедимонскии, царем будучи и иным всем советуючи николи не празновал и труды великие приимал. То же празнование и погибель принесло оному Сарданапалию, царю асириискому, которого коли Арбацес, воевода его ближныи, меж кучою женъщин безчесных увидел прядучи нити, видячи то, что не было пригоже дело, чтоб таков царь повелевал и владел множеством людеи, которыи над женъщины худшии был, зделал то над ним, что сам себе и богатство свое все на каменои столпи положив, спалил.

Хило философ называл того добрым царем быти, которыи печалуетца о том, чтобы подданые его не от боязни любили его, но от милосердия.

Агасиклес, царь лакедимонъски, был спрошен от одного человека, каковым делом мочно всякому государю без страху царьствовати, не имев около себя никаковаго береженья. Таков ответ на то сказал: „Коли б так повеливал подданым своим, как отец повелевает сыном своим“. Которая скаска его достоина есть разсуженья, потому что отец с прироженья своего отцовского болши печалуетца о детях своих, нежели сам о собе. И для того дети любят отца. Таково ж и государи о корысти и прибыли государства своего всего лутчи должны промышляти, нежели во свои прямые добрые имения и богатства, чтобы тем любовь подъданых своих зделали и оборотили к себе, которая есть крепким основаньем долгого их государвания потому, коли добрыи царь любо начальник изо всех людеи сщасливши бывает, таково ж опять мучитель царь изо въсех несщасливши станетца того для, как тот царь, которыи добрым есть, безстрашное имеет свое житье, так опять злои царь страх и много изменников на себя всегда безпрестанно имеет.

Агесилауш, царь лакидимонскии, был спрошан, которая б добродетель честнеиша была — мужество или правда. Отказал на то: „Мужество не есть корыстное будет, при нем правды не будет, потому что коли б все люди праведными были, не надобеть бы уж мужество. Премудрость таково ж без правды хитростью есть, смиренство опять без мужества ленивством есть, правда опять без смиренъства лютостью есть“.

Желанье и хотенье царьств не от добродетели происходит, но от злобы, и то хотение человека до неправды и до злого конца приводит. Дал на то ответ Диогенес философ Филипу, царю македонскому, коли Филип, воиско свое великое собрав, пришол до Хероние. И пришол таково ж там в те поры Диогенес, которого поимано и перед царя приведено. Царь, увидевши Диогенеса, собе незнакомаго, рече к нему наудачю: „Ты не лазучник ли?“. Диогенес рече к царю: „Подлинно яз лазучник есть, пришол яз присмотритися бесноватому и глупому разумови твоему, которыи неполно имееш на царстве македонском, но еще чюжих царств здобываешь и сам себя в такои страх подаешь, чтоб и здоровья и царство свое потерял напрасно“.

Подобает за таковеми делами государем последовати, которые бы престолу их разъмноженье и разширенье делали. А того беречися должни, чтобы не было достоинаго престолу их и чтобы каковую неславу престолу их чинило, и таковаго строенья в государьстве не становити, которое бы было страшное всем, чтоб и больши страху, нежели покою, и больши ненавидства, нежели любви, не принесло

Тако же и всякому начальнику подобает беречись от гневу, потому что гнев затмевает чесные дела. Пишут мудрецы о Александру царю македонском, акоже много обрасцов показывал непобеженого сердца своего, но что он иногды скорыи был до гневу и для ради того все свое дела чесные и великие затмевал: убил неповинного старого приятеля своего, Клитусем нареченного, а после, егда по оным гневу образу-